

Змѣй и цыганъ.

чень давно это было. По-
вадилъ въ одну дерев-
ню змѣй летать и людей
пожирать: всѣхъ переѣлъ,
одинъ мужикъ остался.

Шелъ мимо деревни цыганъ и захотѣлъ на ночлегъ пристать. Въ какую избу ни заглянетъ—пусто! Зашелъ, наконецъ, въ послѣднюю избушку; сидитъ тамъ да плачетъ послѣдній оставшійся мужичокъ.

— Ты зачѣмъ сюда, цыганъ? — спрашиваетъ мужичокъ.—Видно, жизнь тебѣ надоѣла.

— А что?

— Да вѣдь повадился сюда змѣй летать: всѣхъ поѣлъ; а завтра прилетитъ — меня сожретъ, и тебѣ не сдобровать: разомъ двухъ съѣстъ...

— А можетъ, подавится, — отвѣчаетъ цыганъ; — ляжемъ-ка спать: утро вечера мудренѣе.

Переночевали. Утромъ поднялся вдругъ вихрь, затряслась изба и прилетѣлъ змѣй.

— Ага, — говоритъ, — прибыль есть! Оставилъ одного мужика, а нашелъ двухъ — будетъ чѣмъ позавтракать.

— Будто и вправду съѣшь?—спрашиваетъ цыганъ.

— Да таки съѣмъ.

— Врешь, подавишься!

— Что жъ, ты развѣ сильнѣе меня?

— Еще бы! — отвѣчаетъ цыганъ. — Чай, самъ знаешь, что у меня силы больше твоей.

— А, ну, давай, попробуемъ, кто кого сильнѣе.

— Давай.

Змѣй взялъ жерновъ и говорить:

— Смотри: я этотъ камень одной рукой раздавлю. Стиснуль жерновъ въ горсти такъ, что тотъ весь въ песокъ разсыпался—только искры брызнули.

— Эко диво! — говорить цыганъ. — А ты такъ сожми камень, чтобы изъ него вода потекла.

Взялъ съ полки узелокъ творогу и ну давить, сыворотка и потекла.

— Что, видѣль? У кого силы больше?

— Правда твоя, — говорить змѣй, — рука у тебя сильнѣе; а вотъ попробуемъ, кто крѣпче свистнетъ.

— Ну, свистни!

Змѣй какъ свистнулъ—со всѣхъ деревьевъ листь посыпался.

— Хорошо, братъ, свистишь, — говорить цыганъ, — а все не по-моему; завяжи-ка напередъ свои бѣльмы, а то я какъ свистну, то они у тебя изъ лба выскочатъ

Завязалъ змѣй платкомъ глаза и говорить:

— А ну-ка, свистни!

Цыганъ взялъ дубину, да какъ свистнетъ змѣя по башкѣ, такъ, что тотъ во все горло заоралъ

— Полно, полно, братъ цыганъ! не свисти больше, и съ одного разу глаза чуть на лобъ не вылѣзли.

— Какъ знаешь, — говорить цыганъ, — а я еще готовъ разокъ-другой свистнуть.

— Нѣтъ, не надо; не хочу больше спорить, — отвѣчаетъ змѣй;—давай лучше побратаемся!

И побратались цыганъ со змѣемъ.

Говорить змѣй цыгану:

— Ступай, братъ, въ степь, тамъ пасется стадо воловъ: выбери самага жирнаго и волоки сюда на обѣдь.

Пошелъ цыганъ въ степь, нашелъ гуртъ воловъ, давай ихъ ловить да другъ съ дружкой за хвосты связывать. Ждалъ-ждалъ змѣй—не дождался, побѣжалъ самъ.

— Что такъ долго?

— А вотъ погоди, навяжу штукъ сорокъ да за разъ и поволоку, чтобы на цѣлый мѣсяцъ хватило.

— Экой ты какой!—говорить змѣй.—Нешто намъ здѣсь вѣкъ вѣковать—будетъ съ насъ и одного.

Ухватилъ змѣй самага жирнаго вола за хвостъ, сдернулъ шкуру, взвалилъ и шкуру и мясо на плечи и потащилъ домой.

Пришли въ избѣ, наложили два котла мяса, а воды нѣтъ.

— Вотъ тебѣ воловьѣя шкура, — говоритъ змѣй: — набери полную воды и принеси сюда.

Потащилъ цыганъ къ колодцу воловьѣю шкуру: еле-еле порожнюю тащить; пришелъ и давай колодецъ кругомъ окапывать. Змѣй ждалъ-ждалъ—не дождался, побѣжалъ самъ.

— Что ты дѣлаешь?

— Да вотъ хочу колодець кругомъ окопать и въ избу перетащить, чтобы не нужно всякій разъ по воду ходить.

— Экой ты какой! Много затѣваешь, — сказалъ змѣй, набравъ полную шкуру воды и понесъ домой.

Есть мясо и вода, да дровъ нѣтъ, и говорить змѣй цыгану:

— Сходи, братъ, въ лѣсъ, выбери сухой дубъ и волокн сюда.

Пошелъ цыганъ въ лѣсъ: началъ лыки драть да веревки вить. Ждалъ-ждалъ змѣй — не дождался, опять бѣжить.

— Что ты здѣсь дѣлаешь?

— Да вотъ хочу за разъ дубовъ двадцать зацѣпить веревкой и тащить всѣ съ кореньями, чтобы надолго дровъ хватило.

— Экой ты, право! — говоритъ змѣй. — Все по-своему дѣлаешь.

Вырвалъ съ корнемъ самый толстый дубъ и поволокъ въ избу. Наварилъ змѣй говядины и зоветъ цыгана обѣдать, а цыганъ надулся и говорить:

— Не хочу!

Вотъ змѣй съѣлъ самъ цѣлаго вола и сталъ цыгана спрашивать:

— Скажи, братъ, за что ты сердишься?

— А за то, что все, что я ни сдѣлаю,—все не такъ, все не по-твоему.

— Ну, не сердись, помиримся.

— Если хочешь со мной мириться,—говорить цыганъ,—поѣдемъ ко мнѣ въ гости.

— Изволь, братъ, поѣдемъ!

Досталъ змѣй повозку, запрягъ тройку, что ни есть лучшихъ коней, и поѣхали вдвоемъ въ цыганскій таборъ. Стали подъѣзжать, а цыганята увидали отца, бѣгутъ къ нему навстрѣчу,—голые, черные, да во все горло кричатъ:

— Батъка пріѣхалъ, змѣя привезъ!

Испугался змѣй и спрашиваетъ:

— Это кто?

— А это мои дѣти,—отвѣчаетъ цыганъ,—чай, голодны теперь; смотри, какъ за тебя примутся!

Змѣй—съ повозки да бѣжать, оставилъ цыгану и повозку и лошадей.

